

ИРМА БЕРГ

СПЯЩИЕ БОГИ

Ирма Берг
Спящие Боги. Роман

«Издательские решения»

Берг И.

Спящие Боги. Роман / И. Берг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830920-5

В основе всего сущего лежит порядок, у каждого есть свое место в схеме Вселенной, но Мартин выпал из четкого механизма часов мироздания. Уже не принадлежа этому миру, он все еще не призван в иные. Он пытается найти свое предназначение, терзаясь странными обрывками воспоминаний о своих прошлых жизнях из других эпох. Но и в нашем мире есть люди, готовые ему помочь, — вместе они отправляются в те места, где еще хранятся знания великих предков. Но будет ли он готов узнать о себе всю правду?

ISBN 978-5-44-830920-5

© Берг И.

© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	35
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Спящие Боги

Роман

Ирма Берг

© Ирма Берг, 2019

ISBN 978-5-4483-0920-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Ничто не развивается, если оно не содержится, ничто не проявляется в действии, если нет причины

Глава 1

В тот день с самого начала все пошло по-другому. Утро выдалось как утро, самое обычное, и все же что-то было не так.

Пока кофеварка фырчала, шипела и наполняла чашку терпким кофе, Мартин включил новости.

В умиротворенную тишину с экрана телевизора ворвалось женское рыдание. А следом и голос диктора: «Сегодня утром возле брюссельского аэропорта разбился самолет. Погибли все, кто находился на борту. По словам диспетчеров, взлет был штатным. Причины крушения выясняются».

На экране мелькали дымящиеся части разорванного фюзеляжа. Пожарные пытались затушить обломки из водяных пушек. Крупным планом показали искаженные от горя лица приехавших на место аварии родственников погибших.

Снова показали рыдающую женщину. Она взывала к своему погибшему мужу, умоляла не покидать ее, вернуться обратно. Ее состояние походило на истерику.

Мартин невольно скривился. Какое-то шестое чувство говорило ему: «Ей нельзя этого делать. Кто-нибудь должен ее остановить!».

Внезапно катастрофа предстала в его голове в виде цепочки последовательных кадров. Внутренним взором он четко видел, что причина трагедии – небольшой кусок алюминиевой обшивки: во время разгона он откололся от передней части фюзеляжа и острым рваным краем проколол крышку правой стойки шасси. Крышка лопнула, загорелась, из-за чего возникло последующее возгорание и взрыв топливного бака.

Причины аварии четыре месяца будет расследовать специальная комиссия, которая по характеру обгорания обломков сумеет доказать именно эту версию.

Все это так ясно всплыло в сознании Мартина, что он невольно улыбнулся краешками губ. Странно – погибло столько людей, но никакого сочувствия он не ощущал. Наоборот, он знал: все произошло так, как и должно быть, а действия пилотов были правильными и единственно возможными в данной ситуации.

«Только кто-то все же должен остановить эту женщину, – снова пронеслось в его голове. – Ей не следует так себя вести. Но она не виновата. Она просто не знает... Тогда откуда знаю я?».

Что-то непонятное творилось с ним в то утро. На ум то и дело приходила фраза платыни: «Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum». Ее значения он не понимал, но раз за разом повторял ее мысленно и даже произнес пару раз вслух. Словно вычитал в какой-то старой книге, а смысл забыл.

Взяв чашку кофе, он подошел к окну. Несмотря на конец сентября, природа упорно не желала расставаться с летом. Пышные кроны деревьев зеленели и цвели, и только редкие опавшие листья намекали на смену сезонов.

Мартину показалось, что изумрудный цвет листьев сегодня в несколько раз ярче и насыщеннее обычного. При дуновении ветра они даже переливались легкой фосфоресцирующей голубизной. Это выглядело красиво и необычно, и он подумал, что явлению этому наверняка есть какое-нибудь логическое объяснение. Как, например, то, что он однажды слышал про свечение джунглей вокруг древних городов майя.

Пару лет назад, при изучении инфракрасных снимков полуострова Юкатан, ученых привлек ярко-малахитовый оттенок деревьев вокруг храмовых построек. Они долго ломали над этим голову, но потом выяснили, что причина тому – известняк. Корни деревьев столетиями впитывали известь, а ее соединения поглощали из листьев влагу. Поэтому растения близ сооружений накапливали больше тепла – эту минимальную разницу температур и отражали спутниковые снимки.

Вполне возможно, что-то подобное и наблюдал сейчас Мартин. И хотя он знал, что человеческий глаз даже теоретически не может различить инфракрасный диапазон спектра, он все же посчитал это особым атмосферным явлением.

Но странные ощущения не желали покидать его.

За рулем по дороге на работу Мартин поймал себя на мысли, что Москва изменилась. Он родился здесь и прожил всю свою жизнь. Каждый будний день он ехал по одному и тому же маршруту, и все было как обычно: дома, улицы, пробки, светофоры.

Но сегодня все выглядело иначе. Как непрерывный процесс кровообращения в организме, двигалось и все вокруг – четко, слаженно, ритмично... Люди спешили по своим делам, машины передвигались по городу, облака плыли по небу. Но двигалась и сама Земля. Мартин вдруг отчетливо ощутил, как Земля вращается вокруг своей оси и несется вокруг Солнца. Солнце же мчится по спирали Млечного Пути, а сама наша Галактика летит куда-то к границе созвездий Лиры и Геркулеса. Все двигалось точно и безошибочно, на огромных, молниеносных скоростях.

Но людям почему-то казалось, что они прочно стоят на земле и никуда не несутся. Что они могут неспешно смотреть на небо и грезить, не замечая, что в данный момент придавлены мощнейшей силой тяготения к планете, которая в тот же самый миг преодолевает 1700 километров в час вокруг своей оси и 30 километров в секунду по эллиптической орбите вокруг Солнца. Даже пуля имела меньшую скорость.

И мало кто догадывался, что именно это бесконечное движение и позволяет людям жить и существовать. Остановись Земля хотя бы на секунду, человеческое тело вмиг разорвало бы на мелкие куски. Причем с такой силой, которая отбрасывает снаряд весом в шестьдесят тонн на двадцать километров.

Если бы только люди знали, в каком положении находятся. Их пронизывают солнечные частицы, словно папиросную бумагу, сотрясают непрерывные подземные толчки. Воздух рывается от звуков, бьющихся об их барабанную перепонку, через тела проходит мощнейший электрический потенциал. Но большинство, обладая космическим самомнением, были уверены, что на них влияет лишь их непосредственное окружение.

«Да что же со мной сегодня такое? – думал Мартин. – Откуда все это в моей голове?»

Ничего особенного за последние дни, месяцы и даже годы с ним не происходило. Его жизнь протекала довольно однообразно, и по большей части он был сконцентрирован на своей работе.

Но какое-то внутреннее чутье подсказывало – его новые ощущения вовсе не новые, а скорее давно забытые за ненужностью старые, которые теперь медленно всплывали из темных глубин его памяти. И будто где-то в недрах подсознания уже имелся готовый ответ на все вопросы, только вот до поля обычного сознания дойти он еще не мог.

Глава 2

Офис его компании располагался в переулках позади Арбата. Пару лет назад вместе с бывшим однокурсником по историческому факультету они открыли небольшую фирму по реставрации старых книг.

Книги, а тем более редкие и антикварные, всегда имели для Мартина большое значение. С детства он испытывал к ним особую, даже болезненную тягу, потому его профессия казалась ему нужной и благородной. Поначалу он мог часами сам корпеть над изготовлением нового корешка, сращиванием разорванной пополам и пожелтевшей за века страницы или собственноручно восстанавливать смазанные фрагменты текста.

Эта работа таила в себе наслаждение, доступное, казалось, лишь ему одному. Она заполняла ту внутреннюю сферу его личности, куда не было доступа ничему другому, в ней и только в ней он находил опору. Работа спасала в минуты отчаяния, наступавшие время от времени, когда он злился на себя, потому что не мог реализовать в этом мире всего, что хотел. В такие дни жизнь казалась Мартину абсурдной и хаотичной, и, сбитый с толку, он с головой уходил в книги. Ему казалось, что, возрождая книжные раритеты, он продлевает им жизнь для следующих поколений, а заодно и повышает ценность.

Кропотливый труд приносил свои плоды. Безупречность выполненных заказов как по невидимой цепочке притягивала к нему новых клиентов, таких же страстных ценителей древностей. Порой они приносили ему редчайшие, будто поднятые со дна пыльных сундуков манускрипты и духовные фолианты, которые он с педантичностью хирурга возвращал из забвения.

Потому его мастерская, пусть и с небольшим оборотом, в определенных кругах имела неплохую репутацию, занимала все его время и приносила деньги, достаточные для того, чтобы безбедно жить.

Офис снимали в тихой, уединенной части Арбата. В одном из обветшалых серых особняков, которые все еще не сносили в виду их культурной ценности.

Доехав до здания, Мартин поднялся на второй этаж и зашел в свой кабинет. Включил ноутбук, стал проверять почту.

Из раскрытого настежь окна доносились голоса людей. Они разговаривали на повышенных тонах, да так громко, что мешали ему сосредоточиться. Перекрикивали друг друга, навязывая один другому свое мнение. Разговор у них явно не складывался – каждый говорил и спорил о своем. А на фоне общего шума толпы выделялся тихий женский голосок, напевавший незатейливую песенку: «Ты неси, неси меня, кораблик... За вершины гор, как солнечный журавлик».

Постепенно к спорщикам присоединились прохожие, которые тоже считали нужным высказывать свое мнение. Теперь неудержимый многоголосый гвалт разросся до уровня митинга. К своему испугу Мартин различил в потоке выкриков собственное имя. А следом и название своей фирмы. Мало того, он понял – толпа направлялась к нему в офис. Через минуту он уже отчетливо слышал голоса в своей приемной.

Распахнув дверь, он выглянул в коридор.

Никого.

В приемной спокойно сидела чистенькая, как куколка, секретарша Вероника в платье цвета морской волны. У кулера с водой в другом конце приемной стоял старший переплетчик и заваривал себе чай. Негромко играло радио.

– Вероника! – выпалил Мартин. – Куда они ушли?

– Кто, Мартин? – удивилась Вероника.

– Только что здесь были люди. Что они хотели?

Вероника хлопнула пару раз ресницами, задумалась, но так и не нашлась что ответить. Старший переплетчик тем временем удалился к себе в мастерскую, осторожно неся полную чашку с горячим чаем.

Мартин подошел к окну и посмотрел на улицу.

И там никого.

«Как они могли так быстро разойтись?»

Тут он снова услышал ту самую мелодию, которую напевала... да, теперь сомнений не было.

Он резко повернулся к Веронике.

– Это ты поешь?

– Мартин, да что с тобой сегодня? – вздохнула она. – Ничего я не пою.

И вдруг он понял.

В тот же миг его пробрал озноб, а сознание на миг пошатнулось.

Голоса людей, которые он слышал, были их мыслями.

Каким-то необъяснимым образом он слышал то, что думали другие.

Он стал судорожно перебирать в памяти все, что знал о подобных явлениях. Люди-телепаты, люди-феномены, помутнение рассудка, шизофрения...

Голоса продолжали сыпаться со всех сторон. Кто-то думал об обеде – и, к своему ужасу, Мартин начинал ощущать чувство голода. Кто-то размышлял о том, как набраться сил и позволить заносчивому клиенту, – и Мартина сковывала неуверенность в себе и трусость. Кто-то злился на непутевого супруга – и неприятное чувство раздражения разрасталось у него в груди. Мелькали и обрывки фраз, которых он не хотел слышать вовсе, – те, которые люди обычно не произносят вслух.

Какофония слов и эмоций нарастала. Он попытался собраться, вычленить из нее то, что принадлежало лично ему, но ничего не выходило. Голоса, как карканье ворон, гомон птичьей стаи, перекрикивали его собственный мир. За секунду внутри образовалась невообразимая гамма эмоций, которая стала раздирать его на отдельные, чуждые друг другу части. Единственным желанием было срочно вырваться из этого чудовищного состояния.

Он зашел к себе в кабинет и захлопнул дверь. Закрыв окно и опустил жалюзи. Сел за стол и закрыл лицо руками. Голова раскалывалась. На лбу выступила испарина. Дыхание стало частым и прерывистым.

Он не хотел слышать эти мысли. Они были ему отвратительны! Он словно подглядывал за тем, что запрещено, проникал туда, куда лучше не ступать...

Усилием воли Мартин попытался все заглушить. Жестким тоном приказал себе не думать, не слышать, не чувствовать... Остановиться, успокоиться...

Мало-помалу стало получаться. Сначала убавилась общая громкость. Затем из звучащего в сознании хаотичного хора он начал различать отдельные голоса. Словно прокручивая верньер приемника, он задерживался то на одном, то на другом голосе и слушал только его. По характеру размышлений становилось понятно, кто из находившихся в офисе мог так думать. Нахлынувшая поначалу паника отступила.

От оцепенения и шока на ум пришла когда-то давно прочитанная история об одном польском графе, который страдал неприятным и странным психическим недугом. Бедняге чудилось, что в его голове свили гнездо голуби, простые сизари. Однако к врачам он идти наотрез отказывался – боялся, что те разрежут ему голову пополам.

Эта история только подлила масла в огонь. Мартин уже видел себя живым экспонатом паноптикума – ученые ставят опыты, пропускают через него ток...

Он щурил глаза, пытаясь что-то сообразить. Страшная мысль врезалась в сознание: «Опухоль в мозге».

«Да, я слышал о чем-то подобном. Растущая опухоль давит на нервные центры и активирует рудиментарные способности, отпавшие тысячелетия назад. Чтение мыслей – это атавизм, сохранившийся от наших далеких предков, не умевших говорить».

Мысль о болезни только все усугубила. Перспектива умереть через год от рака головного мозга окончательно выбила почву из-под ног.

Страх, неприятие, неверие в происходящее пробудили в нем злость. Он схватил со стола хрустальную пепельницу и с силой швырнул об стену.

Но грохота удара и звона бьющегося стекла не последовало. Не долетев пяти сантиметров до стены, пепельница зависла в воздухе.

Леденя от ужаса, Мартин осознал, что удерживает ее от падения не кто иной, как он сам.

Он медленно встал и подошел к стене. Осторожно протянул руку и взял неподвижно висящую в воздухе пепельницу, так же медленно вернулся обратно и опустился в кресло.

В рамки здравого смысла это не укладывалось. Творилось что-то иррациональное, потустороннее, то, к чему обычный человек не бывает готов так сразу.

И в то же время это вызывало где-то внутри него немой восторг от того, что он делал это сам, усилием собственной воли. Мартин даже различил промчавшуюся в голове за десятую долю секунды мысль о том, что эта пепельница – подарок и разбивать ее жаль. Что и остановило ее за миг до роковой черты.

Голоса в его голове поутихли. А точнее удалились куда-то на задний план и стали едва различимы, как глухой шум толпы в зале перед началом спектакля. Он понял, что может управлять ими.

Его ум был ясен как никогда, сердце учащенно билось, все чувства обострились до предела. Он слышал, как тикают часы на стене через три комнаты от него. Проезжавшая за окном машина отзывалась дрожью во всем теле. Он ощущал, что температура на улице упала на два градуса, а влажность повысилась, что указывало на приближение дождя.

Память с поразительной точностью стала выдавать картинки всех событий его жизни, начиная с самого детства и заканчивая сегодняшним днем. На поверхность всплыли и отдельные фрагменты давно забытых снов, которые, как выяснилось, он помнил до мельчайших подробностей и необыкновенно четко.

«Что меня ожидает дальше? – нервно соображал Мартин. – Что еще сейчас проявится из того, чего я о себе не знаю? И почему это происходит со мной? Что послужило причиной?»

К нему снова вернулось странное, смутное ощущение, будто он знал и умел все это и раньше. Но каким-то непостижимым образом это было скрыто заслонкой разума и железным, ничем не прошибаемым убеждением, что в нашем мире такое невозможно.

Именно это настораживало его все больше. Еще со школьной скамьи он знал, что любой увиденный объект, полученное впечатление, мысль и совершаемый поступок не исчезают бесследно, а где-нибудь да остаются на складе нашей памяти. А раз все, что происходило с ним в то утро, – лишь воспоминание, значит, существовало нечто, чего он о себе еще не знал.

При этом его новые способности не вызывали у него ни малейшего любопытства. Словно он уже когда-то наигрался с ними вдоволь, потом отложил за ненадобностью, а теперь они просто вновь заявили о своем присутствии.

Желания слушать чужие мысли или жонглировать без рук предметами, лежащими на столе, у него не было.

Его терзало другое.

По непонятной причине он чувствовал давящий на него груз. Будто жизнь его имела какую-то другую цель. И все, что он делал за свои тридцать четыре года, не имело никакого смысла. Он все время шел не туда. Делал совсем не то. Словно и не жил вовсе. Но как бы он ни силился что-либо понять, доступ туда был наглухо закрыт.

Он взял трубку и набрал телефон Марии – единственного человека, которому в тот момент он мог довериться. Они дружили с детства, и она всегда понимала его с полуслова. Работала она в одной из столичных газет, и звонок Мартина как раз застал ее после сдачи очередного материала в редакцию.

– Маша, привет. Мне нужно с тобой увидеться. Да-да, сегодня, через час. Со мной что-то происходит... Нет, не могу по телефону... Выпьем кофе или пообедаем, прошу.

Он старался, чтобы его голос звучал как можно более спокойно.

Глава 3

Встретиться договорились в кафе, прилегающем к левому крылу Московской консерватории.

До Большой Никитской Мартин намеренно решил дойти пешком, благо идти было не так далеко. Свернув на Сивцев Вражек, он хотел пройти по Староконюшенному переулку, потом пересечь Арбат и выйти на Бульварное кольцо.

Но сделав сто шагов, он взвыл от боли и согнулся, закрыв лицо руками. Грудь пронзила адская боль, словно кто-то с силой ударил его в солнечное сплетение.

Внутри что-то перевернулось и оборвалось. В тот же миг яркие вспышки света одна за другой ослепили глаза. Голова раскололась на тысячи осколков.

Через пару секунд все стихло.

Медленно, с опаской Мартин отнял руки от головы.

Но обстановка обычного арбатского двора на его глазах начала искажаться. Словно трехмерная голограмма, направляемая невидимым проектором, на него надвигалась, прорезая собой пространство, совершенно иная картина реальности. Он стоял и там, где никто другой, кроме кирпичной стены жилого дома ничего не видел, он наяву наблюдал аккуратные ряды горизонтальных белых коконов, уходящих в бесконечность. Скрывающая их полупрозрачная ткань позволяла различить лишь общие контуры человеческих тел. В полнейшей темноте они парили в невесомости, слегка покачиваясь из стороны в сторону, ни живые, ни мертвые. Без конца и без края. При этом располагались они с почти математической точностью – каждый на своем месте.

Мартину казалось, что помутившийся рассудок играет с ним злую шутку.

Картина парящих тел проступала все более отчетливо, и понять, где кончалась действительность и начиналось видение и что из них реальнее, становилось все труднее. Наконец потусторонний фантом застыл на месте, зримый и осязаемый. Мартин мог даже физически пронизать его рукой. По ту сторону царила смертельная тишина, холод и покой.

Он интуитивно почувствовал, что уже когда-то был там. Он помнил расположение каждого ряда, каждой горизонтальной и вертикальной галереи. Никому не позволялось тревожить это место. Вход сюда охранялся так строго, будто все силы природы стояли здесь на страже.

Тем не менее Мартин двинулся вперед, точно невидимый и безвестный дух. Направление своего пути он знал досконально.

Миновав несколько галерей, он остановился. Осторожно приблизился к одному из коконов и стал вглядываться, но изображение расплывалось. Он потянул вниз белый покров, затем наклонился, чтобы разглядеть лицо, которое вот-вот должно было проступить, словно выплыть из густого слоя тумана. Он щурился и пытался собрать контур воедино, до боли напрягая зрение. Ткань по миллиметру сползала вниз, он уже почти видел то, что так влекло его. Но тут, точно иерихонская труба, пространство взорвал трубный звук. Сотни беспорядочных белых вспышек снова врезались в мозг. Глаза пронзила адская боль.

Из глубины бездны на него несли исполинский каменный шар, сметая все на своем пути.

Ему стало трудно дышать. Он попытался сделать вдох, но воздух не поступал, в груди бушевал огонь. За долю секунды его придавило к земле и сломало, как сучок засохшей ветки. В следующий миг он стремительно падал в глухую черную воронку, словно в зияющую чудовищную пасть.

– Молодой человек, молодой человек...

Маленькая старушка трепала Мартина за рукав куртки. Видение вмиг растаяло.

– Вам что, плохо, а? Чего на стену таращитесь?

Дребезжащий старушечий голос вернул его обратно в реальность. Он обнаружил, что и вправду стоит и пристально смотрит на стену дома в пяти метрах от него.

– Ну что там интересного-то, а? – не унималась старушка. – Идите куда собирались, нечего прохожих задерживать. Мало ли у кого какие тараканы. У меня тоже их, поди, хватает, я ж не стою, кирпичи не разглядываю.

Только сейчас до него дошло, что он стоял на узкой части тротуара, мешая ей пройти.

Сам не зная почему, он положил руки на ее маленькие плечики и заглянул ей в глаза.

– Все нормально, не волнуйтесь, – сказал он.

Старушка сразу замолчала и как-то обмякла.

– Ни о чем не волнуйтесь и ничего не бойтесь, – спокойно и уверенно повторил Мартин.

Та машинально перекрестилась и пошла прочь. Но, сделав несколько шагов, повернулась и на всякий случай перекрестилась еще раз.

«Что все это значит?» – думал он.

После странного переживания собственной смерти Мартин тем не менее чувствовал, что его сила стала только крепче. Никакого страха он больше не ощущал. Наоборот, возможно, впервые за всю жизнь он ощутил полное и абсолютное бесстрашие, о котором обычный человек имеет разве что смутное теоретическое представление, до конца своих дней так никогда и не избавляясь от своих внутренних глубинных тревог. И если и можно было представить тотальное отсутствие боязни перед чем-либо, будь то реальная или воображаемая угроза, и ничем не ограниченную волю, то это и чувствовал сейчас Мартин. При этом окружающий мир виделся ему как будто бы чуждым и не настоящим.

Ему даже снова захотелось оказаться среди безмолвной тишины и покоя того величественного океана парящих тел. Так как внутри он знал – более безопасного и свято охраняемого места не существовало во всей Вселенной.

Он зашагал дальше.

Однако теперь загадочное свечение деревьев, которое он наблюдал утром, стало гораздо ярче. Кроме того, мерцающий фосфоресцирующий свет исходил практически от всего, что он видел перед собой – от припаркованных машин, домов, металлических газонных ограждений. Свет напоминал слабое вибрирующее электричество – все резонировало и искрилось.

Бесполезно было спрашивать или пытаться понять причину происходящих с ним событий, но это, вероятно, стало самым завораживающим явлением, которое он когда-либо видел в своей жизни. Его взору открылся электромагнетизм. Теперь он мог наблюдать физические силы природы воочию.

Мартин зачарованно наблюдал силу гравитации, пронизывающую все вокруг голубоватым свечением. По воздуху неслись короткие и длинные неоновые жгутики – спутниковые сообщения и радиосигналы. Стремительно падали вниз, словно выпущенные стрелы, фотоны солнечного света – достигнув земли, они тут же исчезали. Проходя через детскую площадку, где мальчишки играли с подковообразным магнитом, он видел, как на обоих его полюсах петель искрится магнитное излучение, которое невозможно рассмотреть ни при каком специальном освещении. И, наверное, любой ученый отдал бы все на свете, лишь бы увидеть мир таким, каким видел его сейчас Мартин.

Однако помимо физических сил природы, было еще одно явление, поразившее его куда сильнее. Каждого человека окружало поле, в котором переливались все существующие в природе цвета – они то смешивались, то очищались друг от друга, находясь в постоянном движении.

Причем у каждого преобладали свои особые краски. У одних они соединялись в красивую и гармоничную композицию, у других больше походили на разукрашенный дым химических заводов. Мало того, языки пламени, словно вспышки солнечного возмущения, иногда вырывались далеко за пределы поля.

«Неужели все это правда? – недоумевал Мартин. – Неужели все излучаемые поля можно увидеть вот так, воочию?»

Шагая по улицам города, он не мог поверить, что мир теперь выглядел совсем иначе, чем он привык.

Глава 4

В кафе Мартин пришел первым. Из-за теплой погоды все еще работала летняя веранда, и, присев за угловой столик, он заказал минеральную воду с лимоном.

Потихоньку он начинал свыкаться с тем, что все вокруг светится и вибрирует, и даже понял – этой способностью можно управлять, как и слышимыми голосами: просто регулируя мощность, как прибавляют или убавляют звук на музыкальной системе.

Несколько окон в учебных классах консерватории были распахнуты настежь. Звуки флейты, виолончели и контрабаса смешивались с шумом проезжавших автомобилей. Со второго этажа учебного здания доносился голос тенора – он распевался с помощью двух гласных звуков «а» и «о» под аккомпанемент фортепиано.

Наконец в кафе, запыхавшись, влетела Маша. Не отрываясь от трубки мобильного, она чмокнула Мартина в щеку и плюхнулась в кресло.

– Извини, – сказала она, закончив телефонный разговор. – Что у тебя стряслось? По телефону я ничего не поняла.

Не листая меню, она заказала у официанта кофе.

Мартин подумал, что объяснить ей все будет непросто. Но все же решил не мудрить и рассказать все как есть.

– Не подумай, что я схожу с ума, но... – он сделал глубокий вдох, – я вдруг понял, что могу делать невероятные вещи. Что у меня есть скрытые способности...

– ...зарабатывать миллионы? – оживилась она.

– Маша...

– Тогда что?

– Ну, например, каким-то образом я могу проникать в головы других людей.

– Господи, и зачем я только спросила? – Маша разочарованно откинулась в кресле.

Он приблизился к ней.

– Послушай меня, я знаю тебя тысячу лет. Я никогда не обманывал тебя и не разыгрывал. Со мной действительно что-то происходит, – он непроизвольно понизил голос. – Все началось сегодня утром, и продолжается до сих пор. Я понятия не имею, что может произойти дальше, так как не могу это контролировать.

Маша загадочно улыбалась, кивая головой.

– Я знаю, ты не веришь мне. Будь я на твоём месте – сам бы себе не поверил. Но это правда! Ведь есть же на свете люди, которые могут делать подобные вещи.

– Мартин, к чему ты клонишь? Скажи прямо, у тебя какая-то нестандартная просьба?

– Ты первая, кому я об этом говорю. Я просто хочу, чтобы ты мне поверила.

– И что? Что значит «ты умеешь проникать в чужие головы»?

– То и значит. Это называется телепатией, ведь так? И это еще не все.

– И... и о чем я сейчас думаю?

Он усмехнулся.

– Ни о чем. Именно в данный момент у тебя нет ни одной мысли.

– Слушай, что за ерунду ты несешь? – эта игра уже начинала ее нервировать.

Принесли кофе. Она стала помешивать его ложечкой, думая о том, что Мартин над ней издевается и за этим сейчас что-то последует. И ей совершенно не хотелось попадаться на крючок.

Обо всем этом можно было догадаться, поэтому Мартин решил, что, озвучь он сейчас ее мысли, все равно будет неубедительно. Он решил поступить иначе.

– Смотри, видишь за тем столиком мужчину в синем костюме в тонкую белую полоску? Он здесь на бизнес-ланче.

Маша обернулась и посмотрела на мужчину в полосатом костюме. Его ноги были вытянуты и скрещены – щиколотка на щиколотку, руки сплетены на груди.

– Так вот, – продолжил Мартин, – через секунду официант споткнется о его неудачно выставленные в проход ноги и опрокинет виноградный сок на девушку, которая войдет в кафе. И первое, что она скажет: «Я так и знала».

– Мартин, да ты сказочник! И знаешь, что-то есть в твоей сегодняшней манере говорить, что-то зловеще притягательное, прямо-таки...

«Я так и знала!» – раздался отчаянный женский возглас.

Маша резко обернулась. Официант только что пролил сок на светлое платье девушки, вошедшей в кафе. Мужчина в полосатом костюме и официант крутились вокруг пострадавшей, пытаясь салфетками очистить ее вконец испорченное платье.

– Что все это значит? – Маша устремила взгляд на Мартина. – Вы что, все вместе разыгрываете меня?

– Нет, я же говорил. Я каким-то образом могу это делать. Все это возникает в моей голове само собой, я даже не прилагаю никаких усилий.

– Подожди, – Маша наморщила лоб. – Но если ты меня сейчас не разыгрываешь и все это правда, тогда то, что ты сделал, – это никакая не телепатия. Ты знал, что произойдет через секунду!

– Для меня это одно и то же. Либо в моей голове возникают мысли людей, либо события, которые произойдут с ними. Источник один. Я просто откуда-то это знаю, и все. Могу рассказать и про тебя.

– Нет, не смей! – воскликнула она.

– Хорошо, как хочешь.

– Мартин, подожди, я ничего не понимаю.

– Послушай, я вызвал тебя сюда потому, что мне нужно с кем-то поговорить. У меня голова идет кругом.

– Но как... как это у тебя получается?

– Я не знаю. Информация просто приходит. Я не только слышу мысли людей, но при некотором усилии могу видеть, что произойдет с человеком завтра, через год, через двадцать лет. Могу даже сказать, от чего он умрет. Выходит, что все сведения о жизни, включая будущее, находятся при нем же. Информация записана, как на невидимой грампластинке, а я, как игла, прикасаюсь к ее поверхности и просто считываю слой за слоем, дорожку за дорожкой.

Он ненадолго замолчал, а потом продолжил:

– Есть такие люди, которые умеют мгновенно считать в уме. Извлекать корень в шестой или седьмой степени из восьмизначных чисел. Когда их спрашивают, как им это удается, они всегда отвечают одинаково – несколько мгновений в голове идет чехарда и мелькание цифр, а затем ответ появляется в готовом виде. То же происходит и со мной.

Маша снова откинулась на спинку стула. В горле у нее сжался комок.

– Мартин, я, конечно же, слышала про всяких там шаманов и людей-феноменов из далеких африканских племен, но откуда все это у тебя?

– Ответ на этот вопрос я и пытаюсь найти.

– Ты хочешь сказать, что внезапно открыл в себе такие способности? Проснулся утром и стал провидцем?

– В любом случае мне от этого не легче. Еще вчера я знал, что делать и как жить, а сегодня все перевернулось с ног на голову.

Маша внимательно посмотрела ему в глаза. В его спокойные, синие глаза, которые она всегда так любила и которые сегодня были на удивление ясно-голубыми.

– Расскажи мне, с чего все началось, – попросила она.

Мартин стал в подробностях рассказывать ей события того утра. Маша слушала, не перебивая и не отрывая взгляда, и по ходу повествования ее все больше охватывало смятение.

Каждый из нас тщательно выстраивал свою систему миропонимания, полагая, что только он является хозяином своих мыслей, эмоций и поступков. К определенному возрасту каждый находил свою точку опоры, будь то религия или наука, на которой худо-бедно и строилось его модель мира и понимание предназначения собственной жизни.

Но вот неожиданно появлялся некто, кто мимоходом говорил, что все уже давно где-то записано, каждый шаг запрограммирован, каждая эмоция просчитана, а ты лишь самодвижущийся автомат, воспринимающий указания извне. И каждый твой «новый» день давно закодирован на определенном носителе, который легко можно вставить в проигрыватель и просмотреть.

И вроде бы каждый из нас краем уха слышал о чем-то подобном, и даже возможно что-то читал на эту тему. Но казалось, все это происходит где-то далеко, с тем, кого мы не знаем, с кем-то сошедшим со страниц фантастического романа, но уж точно это никогда не произойдет с тобой лично. И когда вдруг один из самых близких тебе людей, с кем ты общаешься не один десяток лет, приходит и говорит, что он обрел способность считывать информацию со священной летописи человечества, первое, что ты испытываешь, – это страх. Страх перед тем, чего не понимаешь, не можешь объяснить, но где-то в глубине признаешь и испытываешь перед этим необъяснимый трепет, потому что самые сокровенные тайны жизни так до сих пор никем и не разгаданы.

Твоя незыблемая точка опоры начинает шататься и раскачиваться. Невидимый крючок, за который ты цепляешься и на который нанизаны все твои убеждения, срывается – и ты несешься куда-то в неизвестность. А ум начинает упираться, брыкаться и не принимать то, что выходит за пределы обыденного опыта.

Всю эту пугающую гамму чувств и испытывала сейчас Мария. И она не была до конца уверена, что хочет знать о том, что лежит там, за гранью.

«Но Мартин? Что произошло с ним? – недоумевала она. – С моим Мартином, которого я знаю с малых лет и за которым всегда втайне приглядывала и оберегала его от неверных поступков? Откуда у него такие способности?»

Полуденное солнце ласково припекало плечи. Тенор все еще надрывался со своими распевками, правда, теперь взял октаву повыше и, вместо просто «а» и «о», пел уже почти слогами «ми-мэ-ма-мо-му». А контрабас продолжал что-то бубнить низкими отрывистыми басами.

Нереальность происходящего повергла Машу в заторможенное состояние, и, пытаясь отыскать хоть какое-то логическое объяснение поведению Мартина, она смотрела на памятник Чайковскому, впрочем, не видя его, а скорее глядя сквозь.

Мартин снова отметил, что у нее нет ни единой мысли. Зато ее энергетическое поле выдавало неопишное буйство красок, будто там шла битва, в которой каждый цвет пытался занять доминирующее положение.

«Значит, когда «думает» подсознание, ум молчит, – размышлял Мартин. – Цвета выдают общее эмоциональное состояние человека, это понятно, но сама мысль, вероятно, имеет какую-то другую природу. Ведь как, черт возьми, они попадают ко мне в голову? Может ли мышление сопровождаться выбросом определенной энергии, информационной матрицы, которую я и могу считывать? Или оно подобно электромагнитной волне, настроившись на которую, я могу принимать сигнал без искажений и помех? Но тогда все равно получается, что у мысли есть носитель, пускай и гораздо более тонкий, чем может различить человеческий глаз.

Но кто сказал, что человеческий глаз так уж совершенен? Ведь даже некоторые животные обладают куда более зорким и чувствительным зрением. Мы же видим лишь в узком диапазоне между ультрафиолетовыми и инфракрасными лучами. И слишком часто, по ошибке или неведению, принимаем границу нашего поля зрения за границу мироздания.

То же самое касается и слуха. Мы слышим вибрации в пределах от 16 до 30 000 колебаний в секунду, а за этими рамками для нас наступает полнейшая тишина, даже если звук по силе превосходит звучание миллионов оркестров.

Восприятие времени вообще условно. Нижняя граница работы сознания – одна двадцатая секунды. Все события, происходящие быстрее этого порога, сознанием уже не улавливаются. И если какая-то форма жизни существует на более быстрой частоте, то человек ее просто не видит, хотя в стрессовых ситуациях иногда что-то и проскальзывает в поле его видимости.

Все это говорит только об одном – человек воспринимает мир, в котором живет, лишь в строго отведенных ему границах, на которые он запрограммирован эволюцией.

Так почему же, учитывая ограниченность наших чувств, пространство вокруг не может делиться на ступени или уровни, по которым, подобно автомобилям, несущимся по городским магистралям, могли бы мчаться наши мысли? И если современная наука пока молчит, это вовсе не значит, что такого не может быть.

Да, нас всех учили, что материя состоит из атомов, в ядре которых располагаются протоны и нейтроны, внутри них – кварки, и так до тех пор, пока не найдется та самая универсальная единица, фундаментальная первооснова всего. Но может ли эта последняя единица быть настолько тонкой и разреженной, что плавно начинает переходить в энергию? Энергия же, в свою очередь, так же плавно перетекает в информацию, ум, мысленную вибрацию. А раз все состоит из единой среды, значит, мысль и материя напрямую связаны друг с другом на некоем скрытом нефизическом плане, к которому меня каким-то образом подключили! Ведь должно же быть какое-то объяснение моим способностям?»

Различные концепции, словно на заседании многопартийного парламента, роились у Мартина в голове. Мозг один за другим выдавал варианты объяснений его психической силе, но ни один не казался ему достаточно убедительным.

Ко всему прочему, его тревожило собственное будущее. Несмотря на то, что он мог считывать сведения о других людях и видеть, как сложится их жизнь, он не видел в будущем себя. Его собственная судьба будто ускользала от него. Или же ее не было вовсе.

Это виделось ему чуть ли не системным сбоем, досадным недоразумением в общем слаженном устройстве жизни. Когда у всех была четко прописанная программа, а у тебя ее не было, начинало казаться, что твое положение менее завидно.

***

Из задумчивой отрешенности обоих вывел учтивый голос официанта:

– Закажете что-нибудь еще?

– Нет, спасибо, – ответил Мартин и с удовлетворением заметил, что к Маше стали возвращаться мысли.

Маша испуганно смотрела на него. Он чувствовал, как раскалывается ее голова.

– Послушай, Мартин, мне кажется, я знаю, кто может тебе помочь. Есть один доктор, он...

– Маша, я не схожу с ума, – с досадой прервал Мартин. – Я осознаю все предельно четко!

– Подожди, подожди. Он не простой врач, и возможно знает про то, что происходит сейчас с тобой. Долгие годы он учился в Тибете у монахов, потом работал в Институте мозга в Питере, а сейчас заведует отделением неврологии и иногда лечит акупунктурой. Я хожу к нему на сеансы. И знаешь, иногда он делает такие вещи, которые раньше казались мне невозможными.

– Например?

– Ставит на ноги безнадежных больных, от которых отказались другие врачи. И он все время твердит про наши скрытые ресурсы, энергию и возможности мозга. Раньше мне казалось это очень странным. А теперь я даже не знаю.

– А что ты сама у него делала?

– Восстанавливала нервы из-за бесконечных стрессов на работе. Он говорил, что наш организм, как пианино, нужно периодически настраивать. Да и попала я к нему абсолютно случайно – он ведет прием в моей районной поликлинике, причем принимает всех и абсолютно бесплатно. Если повезет, застанем его там и сейчас, может, он как-то объяснит твое состояние. Поедем?

Мартин с неохотой кивнул – больше для того, чтобы не обидеть Машу.

Глава 5

Здание городской поликлиники пряталось от шума дорожных магистралей за фасадами домов и утопало в зелени деревьев. Перед входом – небольшой двор с детскими качелями и горками, на первом этаже – гардероб, очередь за карточками в регистратуру, спящие медсестры в белых халатах, – словом, все как обычно.

Поднявшись по лестнице на третий этаж, Мартин и Маша оказались посреди широкого коридора. С одной стороны – двери врачебных кабинетов, с другой на скамейках ожидали приема пациенты. Маша схватила Мартина за рукав и повела в сторону, где коридор перегородивала двустворчатая дверь с вывеской «Неврологическое отделение». Свет в этой части помещения почему-то не горел. Казалось, это крыло заброшено или здесь ведутся ремонтные работы.

Открыв дверь, они зашли внутрь. Света по-прежнему не было. Пройдя чуть ли не на ощупь метров двадцать, они оказались в небольшом холле, которым и заканчивался коридор. Окно в холле было настежь распахнуто – выглянув в него, Мартин увидел, что погода начала портиться: поднялся холодный ветер, небо затуманилось, вот-вот мог пойти дождь.

По обеим сторонам холла располагались двери кабинетов, без единой полоски света под ними. И только одна дверь была приоткрыта. Щурясь в полутьме, Мартин смог различить на ней табличку: «Дневной стационар».

Маша приложила указательный палец к губам, давая понять, что здесь не принято громко разговаривать. Они сели на диван и стали ждать.

Мартин не понимал логику ее действий. Они сидели во мраке поликлиники, вокруг – никого, он даже не слышал ни единой мысли. Пошел дождь, и порывы ветра стали свободно гулять по коридору. Оконная рама неприятно закрипела. Запахло влажной листвой и озоном.

Но Маша всем своим видом давала понять, что надо ждать. Мартин скрестил руки на груди и вжался в диван, пытаясь хоть частично укрыться от сквозняка.

Так прошло несколько минут. И тут из-за приоткрытой двери они услышали едва различимую, но приятную мелодию. Она напоминала легкие скользящие переливы китайской лютни. Стремительно пролившийся осенний дождь тем временем постепенно утихал.

Из-за двери донеслись какие-то шорохи и приглушенный мужской разговор. Внезапно раздался визгливый скрежет складывающейся как гармошка пластиковой двери и послышались шаги – кто-то быстро уходил из дневного стационара.

Через секунду Мартина обдало ветерком и ему показалось, что мимо него пронеслась большая черная птица, взмахнув у самого его лица крыльями. Доктор, погруженный в свои мысли, быстро пересек холл и скрылся в кабинете напротив. Маша не успела проронить и слова, лишь чуть привстала на диване.

Спустя минуту дверь кабинета распахнулась, и со странным бормотанием «чжунь-фу, воздух, половина третьего, закончить в юй-цзи» доктор вновь пересек холл и скрылся в дневном стационаре.

Далее Мартин и Маша невольно стали свидетелями тихого диалога врача с пациентом.

– Захар Борисович, – молвил чуть хриловатый голос пожилого мужчины, – вот вы мне скажите, у меня ж бронхит, как мне...

– Тише-тише, лежите и не сбивайте меня с ритма, – раздался голос в ответ. – Чжунь-фу, правое межреберье, юнь-мень, ключица. Все! Так, так, сейчас будет немножко больно, глубокий вдох...

– Ай!

– Так, и руку правую дайте мне. Фаланга большого пальца. P11, шо-шан. Ага, вот она. Эта точка мобилизует все ваши силы именно в данный момент. Сейчас ее время. Еще раз глубокий вдох!

– О!

– Все, все. Минут 15—20 полежите так, хорошо? У вас, голубчик, стихия металл прева-лирует, отсюда и хронический бронхит.

– Ясно, – выдавил из себя больной. – И еще что-то печень вчера разболелась, тянет в пра-вом боку сильно.

– Ну, надо понаблюдать пока, – ответил доктор. – А вообще, усвойте себе простую истину: все ваше тело состоит из клеток. Одни клетки всасывают питательные вещества, другие – их разносят, третьи – передают нервные импульсы. Как вы думаете, откуда каждая клетка знает, что ей делать? Она разумна, потому как наделена элементарным сознанием. Ваш центральный разум тысячекратно превосходит ее сознание, поэтому вы можете управлять ею. Тело должно находиться под постоянным контролем вашего ума. Клетки печени, кстати, самые ленивые. Их дело – фильтровать кровь и выделять желчь. Прикажите им делать свою работу правильно.

Снова послышался звук раздвижной пластиковой двери. Доктор направлялся к выходу.

Выйдя в холл, на этот раз он все же заметил посетителей и резко остановился.

– Захар Борисович, – подскочила к нему Маша, – вы помните меня? – Она старалась говорить как можно тише. – Это я, Мария, я приходила к вам весной. Помните?

Но Захар Борисович неотрывно смотрел на Мартина. Казалось, он был потрясен или почти напуган – вид Мартина явно производил на него сильнейшее эмоциональное впечатление.

Немая пауза затягивалась. Мартин почувствовал себя неловко, поэтому встал и поздоровался.

– Это Мартин, мой друг, – шепотом сказала Маша. – Мы здесь, так как именно ему нужна ваша помощь.

Захар Борисович встрепенулся.

– Мария, да что же вы сидите здесь без света? Да как же это... Солнце весь день заливало, я даже свет приглушил, а сейчас, поглядите, какая темень. Это ж надо, как все заволокло!

Он явно разволновался. Нашупав на стене выключатель, зажег свет. Быстро подошел к окну и закрыл его.

– Идемте, идемте, – мягко скомандовал он. – Ко мне в кабинет. Прошу! Там гораздо уютнее. Чаю будете? – бросил он им с порога. – Только предупреждаю, я зеленый не пью, у меня только черный.

Мартин и Маша проследовали за ним. Сумрачная обстановка холла сменилась светлым и уютным кабинетом: большое окно почти во всю стену, письменный стол, за ним шкаф, наби-тый медицинскими книгами и справочниками. С правой стороны – низкий столик и диван из коричневой кожи, на который они и присели.

Теперь при свете Мартин смог наконец рассмотреть доктора. Лет пятидесяти, невысокого роста, с небольшой, чуть тронутой сединой бородкой и такого же цвета короткими густыми волосами, он больше походил на пасторального живописца, чем на врача районной поликлиники. Тем не менее вид его вызывал доверие.

На стене кабинета висел большой демонстрационный плакат с изображением то ли китай-ского воина, задрапированного в тогу и с секирой в руке, то ли мудреца, так как другой рукой он опирался на посох с головой дракона. Все его тело испещряли черные точки, рядом с кото-рыми стояли китайские иероглифы.

Далее взгляд Мартина привлекли странные предметы, лежащие на отдельной полке в шкафу. Назначение и функции большинства из них понимал, вероятно, лишь сам доктор. Там лежали упаковки серебряных игл, непонятные пружинные устройства, эбонитовые круглые

шары, игольчатый молоток, каучуковые модели человеческого уха и кисти руки, утыканые точками и надписями, а также зеленоватые полынные сигары. Рядом с ними стояли необычной формы часы. На аспидной, отполированной до блеска подставке возвышалось три круглых циферблата: два внизу и один наверху, все они показывали одинаковое время, отчего создавался интересный оптический эффект – в глазах троилось. Венчала всю эту экзотическую коллекцию разборная модель человеческого мозга на пластиковой подставке.

Возясь с чаем, доктор то и дело изучающе поглядывал на Мартина. Казалось, он что-то проверяет, и его предположения явно не оправдывались.

Мартин не удержался. Он сделал то, что по своей сути было ему гнусно и омерзительно, но любопытство одержало верх – он сконцентрировался и настроился на мысли доктора.

Результат его огорошил:

– Вы видите то же, что и я? – воскликнул Мартин.

– Почему вы так считаете? – аккуратно спросил доктор.

– Потому что вы думаете об этом.

Захар Борисович остановился. В тишине закончил размешивать сахар. Затем подошел к журнальному столику, поставил на него чашки и, откинув полы халата, опустился в кресло.

– Немудрено, – сказал он. – Вы должны еще не то уметь.

– Что вы хотите этим сказать?

Доктор прищурился и наклонил голову.

– А вы что, голубчик, сами ничего не понимаете?

– Нет, – ответил Мартин. – Это началось только сегодня.

Повисла тишина. Пару секунд доктор напряженно вглядывался в невидимую точку на полу. Затем вскочил, подошел к шкафу и достал с верхней полки обветшалую от времени книгу. Долго и молча читал какой-то абзац, потом закрыл и сел обратно в кресло.

Дождь снова усилился. На этот раз в небе загромыхало. Ветер за окном с силой трепал деревья, их ветки скрежетали по стеклу.

– Послушайте, Мартин, – наконец проговорил доктор. – Я могу сказать лишь то, что знаю сам. Но если вы и вправду ничего не понимаете, то будете шокированы. Далеко не каждый готов об этом услышать и тем более понять, осознать.

Он критически посмотрел на Машу.

– Обо мне не волнуйтесь, – торопливо произнесла она, пытаясь скрыть растерянность. – Мартин – мой близкий друг, почти брат! Я же журналист, поэтому готова ко всему: секретные эксперименты, инопланетные вторжения, неизученные заболевания мозга.

– Да нет, – доктор махнул рукой, – это не заболевание. У него дар, который на земле есть лишь у немногих. Вопрос в том, почему он сам ничего не понимает.

– Но ведь и вы тоже видите, – вступился Мартин.

– По всей вероятности, – доктор понизил голос, – и у вас и у меня имеется одна из редких способностей – психическое видение. Да, я вижу особое поле, которое окружает человека. Но у каждого есть несколько тонких полей: энергетическое, ментальное, каузальное, и я могу видеть лишь одно – биополе нашего физического тела, в котором видны заболевания еще до того, как они проявятся наяву. Я долго жил у тибетских лам, кропотливо и тщательно изучая все тайны их древней медицины. Семь лет я добивался обретения именно психического зрения, так как я врач и хотел научиться правильно диагностировать болезни.

Доктор говорил быстро и немного нервно.

– Теперь я точно знаю, что при определенной концентрации сознания научиться «видеть» может абсолютно каждый. Здесь нет ничего таинственного, эта способность находится в пределах человеческих возможностей. Вопрос в том, что я никогда прежде не встречал такого излучения, как у вас, Мартин. Судя по нему, ваша психическая сила огромна! Вы сейчас просто не осознаете весь тот потенциал, которым обладаете.

– Такие способности заложены в каждом? – переспросила Маша.

– Да, они скрыты глубоко внутри, и раскрыть их может только сам человек. Чем, вы думаете, занимаются монахи в монастырях или отшельники в горах? Они скажут вам, что молятся богу, и будут отчасти правы. Но на самом деле путем особых практик они достигают такой высокой степени, если хотите, духовности, что в итоге способны повелевать стихиями природы. Вспомните, святые всех религий сначала уединялись и предавались аскезе, а затем выходили в народ и творили чудеса! А чудеса – это не что иное, как сверхспособности, прикрытые духом Господним.

– Но Мартин не уединялся ни в какие пустыни, – вновь вмешалась Маша. – Его способности стали проявляться только сегодня, причем спонтанно.

– Это то и странно. Возможно, тайна кроется в глубинах его мозга. Наше сознание так устроено, что в нем заложено гораздо больше, чем мы предполагаем.

Он озадаченно покрутил головой.

– И все же ваш случай весьма и весьма неоднозначен. Люди годами, десятилетиями, а порой и целыми жизнями накапливают такой потенциал. Вам же все открылось внезапно!

Мартин отрешенно откинулся на спинку дивана.

– Я наблюдаю за вами все это время, – продолжил доктор, переведя дыхание, – и цвет вашего излучения еще ни разу не поменялся. Обычно любой мыслительный процесс или эмоции сразу отражаются в его переливах еще до того, как мысли высказаны вслух. Но ваше свечение остается ровным и чистым, словно вы ничего не чувствуете, ничего не ощущаете и ни о чем не думаете.

– Это не так, – возразил Мартин.

– Я верю вам, – кивнул доктор. – Повторюсь, я никогда в своей жизни не встречал ничего подобного.

Маша в упор смотрела на Мартина, пытаясь разглядеть тот самый невообразимый ореол, о котором говорил Захар Борисович. Но, как бы она ни старалась, ничего, кроме белой стены за его головой, увидеть не могла.

– А какого цвета его излучение? – спросила она.

– Ярко-голубого, – промолвил Захар Борисович. – Нечто подобное можно увидеть, сжигая в темном пространстве вату, пропитанную чистым спиртом. Представляете себе этот цвет? И оно все искрится, словно зажженные бенгальские огни. Вы можете его не видеть, но чувствовать должны точно. Протяните свою руку к его плечу. Не бойтесь, давайте.

Маша недоверчиво вытянула руку.

– Чувствуете? – настороженно спросил доктор.

– Я чувствую тепло. Здесь, здесь горячо. Боже, да он весь горит!

– Именно. Вокруг него – пламя!

– Что все это значит? – голос Маши упал до чуть слышного шепота.

Захар Борисович покачал головой, разводя руками.

Внезапный порыв ветра с грохотом распахнул окно. Потоки дождя хлынули на письменный стол. Внезапный порыв ветра с грохотом распахнул окно. Потоки дождя хлынули на письменный стол. Небо прорезал разряд молнии, и следом оглушил гром.

Маша вскрикнула. Захар Борисович бросился закрывать окно, но не успел он добежать, как створки в момент закрылись сами собой, сразу заглушив шум грозы.

– Не утруждайтесь, доктор, – проронил Мартин.

Вода, успевшая пролиться на стол и подоконник, вмиг испарилась, вздыбив и растопырив промокшие страницы книг.

– Да-да, вы правы, – пробормотал Захар Борисович, возвращаясь к креслу. – Зачем дергаться, когда можно все вот так, усилием воли... мысленным приказом... действительно.

Маше стало нехорошо. Она впервые по-настоящему испугалась. Одно дело – слушать все эти разговоры о свечениях и сверхспособностях, другое – увидеть их проявление наяву. Она вся сжалась и напряглась.

– Маша, не бойся, – Мартин придвинулся к ней и попытался успокоить. – Я все тот же человек, которого ты знала и раньше, – тихо прибавил он, и вдруг понял, что не уверен в своих словах.

Он отвернулся и взглянул на плакат на стене. Внутри его раздирало на части, как и того, кто был там изображен, воин или мудрец, кем бы он ни являлся. С каждой секундой его сила только крепла, ему становилось тесно в самом себе. Холодное чувство собственного могущества завладевало им изнутри, словно властно пробудившийся инстинкт.

– Как бы странно это ни звучало, – произнес доктор со всей серьезностью, – но ответ на свой вопрос, Мартин, вы должны искать внутри себя. Ничего не случается, если на то нет причины. Ваши новые способности все время таились внутри, а теперь вы каким-то образом выпустили их наружу. Я могу только догадываться, какую цену пришлось за это заплатить.

– С дьяволом я сделок не заключал, если вы об этом.

– Кто знает, кто знает, – вполголоса промолвил доктор. – В любом случае сейчас вы здесь и обладаете сверхсилой, не понимая, куда ее направить. Знайте: психический мир, в который вы ворвались случайно и без должной подготовки, гораздо более сложный и многогранный, чем физический. И законы, которые там правят, вам неведомы. Я предупреждаю об этом, так как искушения порой бывают слишком велики.

Он взглянул на часы.

– Мой пациент!

Доктор вскочил и подошел к шкафу. Схватил запечатанную упаковку стальных игл и вскрыл их острыми концами вверх.

– Прошу прощения, я должен вас ненадолго покинуть, – с этими словами он вышел прочь.

– Что он делает этими иголками? – спросил Мартин, когда они остались одни.

Маша все еще ежилась на диване и не могла найти себе места.

– Вонзает в разные точки на теле, – с трудом выговорила она. – Восстанавливает течение энергии. Все болезни, по его словам, либо от ее избытка, либо от недостатка.

Мартин подошел к окну и припал лбом к холодному запотевшему стеклу. Дождь как заведенный барабанил по подоконнику.

– А ведь он прав, – сказал он. – Нас всех окутывает энергия. У кого-то ее больше, и у него все получается легко и просто, у кого-то меньше, и такой человек вечно спотыкается и падает. Потому сильному сопутствует успех, а слабого постигает неудача. Все просто.

Он с интересом провел перед собой рукой, наблюдая за искрящимся в воздухе шлейфом. Потом сделал пару пассивов, будто подбрасывая невидимый мяч.

– Что ты делаешь?

– Сейчас я вижу энергию. Она подобна электричеству.

– Электрическому току?

– Да, невесомый нервный флюид, искрящийся сгусток непонятно чего. Похож на кусочек грозовой тучи, скрывающий потенциальный разряд молнии, – Мартин развернулся спиной к окну. – Хочешь, я передам его тебе?

– Не надо.

– Да не бойся.

Мартин внимательно посмотрел на Машу.

– Эй, да у тебя все еще болит голова.

– Даже не буду спрашивать, как ты догадался.

– Сейчас все пройдет. Ну, что чувствуешь? – спросил он чуть погодя.

– Тепло и покалывание в висках. Слушай, неужели ты правда видишь меня насквозь? – спросила она, чувствуя, как ее вновь охватывает паника.

– Нет, не насквозь. Но твоя головная боль должна уже пройти... А-а-а!

Мартин согнулся и резко упал на колени. Яркая вспышка пронзила мозг. Потом еще одна. Они сверкали со всех сторон, точно молнии.

Дикая боль вновь сдавила грудь, перекрыв кислород. Он стал судорожно делать частые вдохи, но выдохнуть не мог – просто разевал рот, как рыба на песке, бледнея и слабея на глазах.

Маша ринулась к нему.

– Мартин, что с тобой? – закричала она.

Он не мог вымолвить ни слова – зрачки сузились, лицо стало синеть.

– Боже, да что же это?

Корчась от боли, Мартин сгибался все ниже.

– Дыши, Мартин! Дыши! – умоляла она, пытаясь вспомнить правила первой помощи и хотя бы уложить его на диван. Но Мартин оказался значительно выше ростом и тяжелей, чем ей представлялось.

Послышался хриплый горловой стон, и Мартин навзничь повалился на пол. Его сознание отключилось.

Глава 6

1 век, 29 год нашей эры

Город Кесария, Древняя Иудея

Ада бежала впереди и смеялась.

Теплые солнечные лучи рассеивались между стволами высоких сосен и стелились по земле. Повсюду трещали цикады, где-то далеко стучал дятел, а гулкий шум прибоя говорил о том, что они поднялись в гору уже достаточно высоко. Дул прохладный бриз, наполненный соленым запахом моря.

– Эй, Мартин, а ты никогда не приводил меня сюда!

Ветер развеивал ее светлые локоны, а белая струящаяся туника, подпоясанная под грудью, подчеркивала ее трепетную молодость.

– Отсюда же открывается изумительный вид на море! – не переставала улыбаться она.

Грациозная, юная, полная чистоты и жажды жизни, она была похожа на нимфу, сошедшую с античной мраморной фрески.

Дорожка вывела их на небольшую скальную террасу, поросшую травой. Сзади них шумел сосновый бор, внизу – крутой обрыв, под которым плескались волны Средиземного моря. Спрятанное от посторонних глаз, это место словно было создано для влюбленных.

– Я любил приходить сюда в детстве, Ада. Здесь я чувствую покой и безопасность.

Она прижалась к нему, обвив руками шею.

– Я хочу знать все твои тайны, слышишь? Потому что когда я смотрю в твои глаза, то вижу себя.

– Теперь ты знаешь мою тайну.

Они уселись на траву, облокотив спины о скалу и любуются горизонтом. Затем, расстелив скатерть, она достала из сумки козий сыр, хлеб, пару смокв и гроздь темного винограда.

– Знаешь, мне кажется, я буду любить тебя вечно, – с неподдельной искренностью произнесла Ада.

– Что бы ни случилось?

– Что бы ни случилось, какие бы события не произошли в нашей жизни, ты всегда будешь в моем сердце, вот здесь.

Она прижала руку к груди.

– Ада, ты еще слишком молода, чтобы говорить такие серьезные вещи.

Она на секунду задумалась, и на ее гладком лбу появилась морщинка.

– Давай поклянемся, что наши души всегда будут вместе?

Напустив на себя притворную важность, Мартин сделал вид, что клянется.

– Нет, давай поклянемся по-настоящему, перед Богом!

Он рассмеялся.

– Но у нас с тобой разные боги, Ада. Ты римлянка, я иудей. Кому мы будем приносить нашу клятву?

– Богу любви. Только ему. И давай попросим, чтобы он никогда не разлучал нас, и чтобы даже после смерти мы всегда были вместе.

– Хорошо, – сказал Мартин. – Клянусь.

– А я клянусь тебе в своей.

Ее миндалевидные глаза смотрели на него с бесконечной нежностью. Он порывлся в кармане, а потом взял ее руку и надел на безымянный палец маленькое золотое кольцо.

– Ты выйдешь за меня?

Ада заулыбалась, а ее щеки залил румянец.

– Да, – почти сразу ответила она.

Песня пролетающих чаек по воли случая превратилась в их венчальный гимн. Было только солнце, море и небо, как вечные зримые боги природы, и две молодые и любящие друг друга души, которые впервые встретились на этой земле.

Потом они еще долго любовались проплывающими над ними облаками, похожими на натянутые паруса кораблей.

– Мой отец будет против нашего брака, – наконец тихо сказала Ада. – Ведь если мы поженимся, мне придется принять твою веру.

– Милая моя Ада! Наш род весьма уважаемый и богатый, я смогу обеспечить тебе достойную жизнь. Много римлянок выходит за иудеев, сейчас этим никого не удивишь. А твою религию давно уже заменила философия. Кто сейчас верит в Юпитера или Марса? Лишь поэты, которые воспевают их в стихах, да жрецы, которым выгодны службы в храмах.

– Но ты ведь знаешь, кто мой отец, – вздохнула она. — Полководец, командовал легионом, да и сейчас на службе у прокуратора. Да и время сейчас беспокойное – сколько распрей!

– Если он будет против, мне придется тебя украсть.

Ада рассмеялась.

– Я надеюсь, мы все же сможем его уговорить.

– Знаешь, я хочу тебя кое с кем познакомить, – вдруг сказал Мартин, привстав на локоть. – У нас в общине уже пару дней гостит один чужестранец, пришедший из Египта. Его истории весьма интересны и завораживают своей глубиной. И он так же, как и мы, обладает Силой, например, умеет исцелять.

– Египет вечно полон тайн, – Ада отщипнула виноградинку и положила ее в рот.

– Он не только жил в Египте, но и долгое время странствовал по Персии и Индии. Его познания весьма и весьма велики.

– Он тоже верит в единого Бога?

– Да, – сказал он, поднимаясь. – Ты должна его увидеть, пока он не покинул нас. Идем прямо сейчас!

Собрав вещи, они стали спускаться вниз с холма, и очень скоро оказались у восточной окраины Кесарии. Солнце уже клонилось к закату. Вбежав в городской парк, поросший ветвистыми деревьями, они быстро пересекли его по диагонали и вошли в город. На окраине, вдали от центра и знаменитого кесарийского ипподрома, на узкой улице стоял двухэтажный каменный дом из белого песчаника. Отворив железную дверь, они проследовали вглубь и оказались в просторном внутреннем дворе, посередине которого журчал скульптурный фонтан.

Со всех сторон двор окружали колонны. Возле одной из них на полукруглой площадке-эстраде сидел и мягким голосом что-то рассказывал красивый молодой мужчина. Его волосы спадали до плеч, тело покрывал длинный хитон из грубой верблюжьей шерсти, перевязанный у пояса веревкой, ноги были босы. Вокруг него собралось уже порядка двух десятков слушателей.

– Это он, – шепнул Мартин на ухо Аде. – Его имя Иешуа.

Они бесшумно обогнули фонтан и присоединились к сидящим вокруг него людям. Двор выходил на восток, оттого в это время суток уже освещался свечами. На небе слабо начинали мерцать первые звезды.

Иешуа говорил спокойно и уверенно. Он был без бороды, кожа его загорела в долгих странствиях, поэтому его темно-голубые глаза казались еще ярче. Весь его вид, несмотря на простоту одеяний, был складен и приятен. Каждый мог найти в его лице то, что хотел: покой, сострадание, любовь, доброту, силу.

Ада прижалась к Мартину и стала слушать подвижника, который казался совершенно своим среди собравшихся. В тот момент он рассказывал об одном восточном мудреце, во дворце которого провел несколько месяцев.

– И посему говорю вам, – молвил Иешуа, – то, что рассказывал мне Вальтасар – истинно, так как существует лишь одна истина, хотя люди дают ей много названий. Наша душа тоньше эфира и неуловимее света. И когда подойдет вам время умирать, она освободится от тела и продолжит свой путь. Ибо духовное царство, что скрыто от глаз ваших, важнее во сто крат, чем земное. И только оно приносит покой в сердца.

– Как же достичь нам царства этого, покуда мы на земле? – спросил один из сидевших подле него.

– Все люди ищут на земле постоянства, тогда как мир этот изменчив и подвержен колебаниям, а все вещи в нем искажены. В жизни вашей теперешней все время будет что-то происходить и меняться, а потому не ищите здесь покоя и равновесия, не для того создавался он. Идеалов здесь тоже не ищите, потому как идеал всегда зафиксирован и неизменен, как статуя или идея. Но не люди и не предлагаемые обстоятельства, превратны они. Задача же ваша – делать правильный выбор, исходя из велений сердца своего. Ибо в нем и сокрыто духовное царство. Но сохранить в себе добро или открыть дорогу злу вольны только вы сами. Так говорил мне Учитель, и так говорю я вам.

– Иешуа, – обратилась к нему одна из женщин, – ты, как и многие наши братья, владеешь Силой: можешь исцелять больных, обладаешь даром предвидения, тебе повинуются стихии природы. Скажи, как ты развил в себе столь сильный дух?

И Иешуа отвечал:

– Каждый владеет этими знаниями, ибо внутри нас – беспредельная глубина. Это и есть ключ к тайнам всех сокровенных учений. Но истинная Сила может произойти только лишь из глубокой духовной воли. А потому служите верою Отцу вашему Небесному, все остальное приложится. И не давайте пищи сатане, не применяйте тайные силы в корыстных целях. Ибо он искушает каждого тем, к чему душа его лежит более всего.

Мартин склонился к Аде и тихо произнес:

– Он так молод, но ты чувствуешь, как крепко уже его слово? Уверен, когда-нибудь он станет великим учителем.

Ада кивнула и, улыбнувшись, посмотрела на Мартина. На секунду ей показалось, что они с Иешуа чем-то похожи: оба чернобровы и кудрявы, оба в расцвете сил. Только красота Мартина была роскошной и сладострастной, а красота Иешуа – строгой и целомудренной. Она перевела взгляд на небо, которое уже полностью погрузилось под покров ночи. Теплое мерцание свечей, россыпь серебристых звезд, любимый Мартин и этот загадочный незнакомец наполнили ее душу покоем. Свет жизни словно сиял внутри нее.

– Уже совсем темно, я должен отвести тебя домой, Ада, – вполголоса проговорил Мартин. – Твои родители, наверное, волнуются. Лучше не огорчать их без повода, нам еще предстоит важный разговор.

– Ты прав, – согласилась она. – Но здесь так хорошо, что хочется и дальше слушать речи этого чужестранца, так складно он говорит.

– Он пробудет у нас какое-то время, ты сможешь увидеть его завтра.

– Что-то подсказывает мне, что больше я его не увижу, – промолвила она.

– Ада, любовь моя, твое сердце слишком впечатлительно.

Мартин помог ей подняться. Стараясь не привлекать внимания, они пересекли внутренний двор и вышли за ворота.

Улица была пустынная, лишь откуда-то издали доносились голоса прохожих и глухой стук лошадиных копыт. Пахло пряностями, растопленным воском и пылью. На верхнем этаже дома горели два факела.

Мартин притянул Аду к себе и поцеловал. Она рассмеялась.

Но спустя минуту их уединение нарушилось – из железных ворот показался Иешуа.

Увидев влюбленных, он хотел было вернуться обратно, но Мартин остановил его.

– Иешуа, друг мой, – одной рукой он обнял его за плечи, – твои речи прекрасны и полны мудрости. И сегодня ты пленил ими мою будущую жену, Аду!

Ада опустила глаза, а ее щеки порозовели. Проницательный взгляд чужестранца неизгладимо запечатлевался в памяти.

– Я вижу, что вы по-настоящему любите друг друга, – с улыбкой проронил Иешуа. – Это благословление, такие чувства даются далеко не всем.

– Без любви мы ничто, верно? – усмехнулся Мартин.

– Без любви душа не развивается, – согласился Иешуа. – Можно обладать всей силой и мудростью мира, но так и не познать истинного света. А ведь он всегда рядом.

– Но у нашей любви есть и препятствия, – еле слышным от волнения голосом произнесла Ада.

– Любовь терпелива, – ответил он. – И препятствия ей не страшны. Ибо что связано и разрешено на земле, будет связано и разрешено на небесах. Ваша история только начинается. Хоть вы пока и не можете понять то, о чем говорю я вам.

Меж облаков появилась полная луна и на секунду окутала Иешуа ярким светом. Он подошел к Аде, положил руки ей на голову и поцеловал в лоб, затем то же самое проделал с Мартином.

– Любите друг друга и запомните, что на земле только через любовь можно приблизиться к Богу, – сказал он. – А теперь идите! И пускай каждый из вас да не усомнится в чувствах другого. Мир вам.

Они распрощались и, преисполненные радости, поспешили в ту сторону Кесарии, где располагался дом Ады.

Нужно было пройти несколько кварталов, пересечь центральную площадь, а затем обогнуть Ицтадион – амфитеатр царя Ирода, за которым и стоял дом ее родителей.

Они быстро добежали до центральной площади, по периметру которой возвышались огромные статуи римских богов. Но тут путь им преградили всадники.

– Легионеры! – вскрикнула Ада.

Она спряталась за спину Мартина, стараясь не показывать своего лица.

Шестеро всадников, судя по всему, просто прогуливались по улицам города, возвращаясь домой с ипподрома. Мерное раскачивание прямоугольных красных щитов, блеск блях и пряжек, смелый ход гнедых коней и гордая осанка легионеров явно свидетельствовали о том, что римляне считают себя здесь богами.

Они неспешно двигались вдоль площади и уже почти миновали Мартина и Аду, как вдруг один из офицеров, со светлыми глазами и тонким орлиным носом, обернулся и тут же развернул коня.

– Посмотрите-ка, кого я вижу! – нарочито растягивая слова, воскликнул он. – Ада! Ты ли это? Моя невеста, обещанная мне твоим отцом еще с детства!

Ада вжалась в спину Мартина, который недоуменно смотрел на всадника.

– Ты знаешь его? – тихо спросил он Аду.

– Это Гай, – с дрожью прошептала она. – Центурион одной из когорт моего отца. Но не верь ему, я никогда не обещала, что выйду за него. Мы и вправду знакомы с детства, и я с детства его ненавижу!

Тем временем центурион спешил. Он был широк в плечах, высок ростом, облачен в чешуйчатый панцирь-катафракт и шлем с коротким поперечным гребнем. На левом боку его висел короткий меч. Остальные всадники тоже остановились: кто-то устало зевал, кто-то с любопытством наблюдал за разворачивающимися событиями.

– И вы посмотрите, с кем она! – обратился Гай к своим солдатам, подходя к Мартину. – С иудеем. Да еще и ессеем! Ада, куда подевалась твоя патрицианская честь? Неужели высо-

кому благородству римской крови ты предпочитаешь этого жалкого представителя племени Моисея?

Ада решительно вышла из тени Мартина.

– Прекрати, Гай! – с гордо поднятой головой крикнула она. – Мартин – мой жених, и наша любовь выше кровей. Тебе даже близко неведомы такие чувства!

Гай высокомерно рассмеялся.

– Ну почему же, Ада, – сказал он, снимая шлем. – Клянусь Громовержцем, я питаю к тебе самые нежные чувства. И даже хочу жениться, и тем самым уберегу твой род от позора, который ты, в плену юной слепой страсти, собираешься на него навлечь, встречаясь с ним!

Он несильно ткнул Мартина рукой в грудь. Двое из всадников рассмеялись.

Кулаки Мартина сжались. Центурион явно пытался его задеть и унижить, и он с трудом сдерживал гнев, стараясь не поддаться на провокацию. Здесь, в Кесарии, административном центре римской прокуратуры всей Иудеи и основной базе легионов, римское происхождение оправдывало любую заносчивость.

– Позволим Аде сделать выбор самой, – спокойно сказал Мартин. – Я собираюсь просить ее руки. Официально. Законы не воспевают этого.

– Что ты, достопочтенный, сможешь ей дать? – язвительно спросил Гай. – Увезешь в пещеры Кумрана к Мертвому морю? Где вы будете вместе молиться вашему суровому Богу? Я же дам ей жизнь, полную приключений и удовольствий. Клянусь Юпитером, я вскоре получу должность легата. Собственный дворец, пиры с поэтами и философами, игры, путешествия!

– Гай! – воскликнула Ада, сделав шаг вперед. – Что твои пиры по сравнению с чувствами любящей души! Я же искренне люблю его!

– Как ты можешь любить этого семитского пса! – с негодованием отрезал Гай, а затем быстро схватил Аду и насильно впился в ее рот своими тонкими губами.

В омерзении Ада стала отпираться от него, но он крепко держал ее в своих руках. Этого Мартин вынести не мог.

Он резко схватил центуриона и с силой отбросил от Ады. Тот отлетел на два метра и ударился о круп лошади, стоявшей сзади. От испуга лошадь взбрыкнула и задним копытом со всего размаха ударила Гая в затылок. С хриплым стоном он тут же свалился наземь – тоненькие струйки багровой крови стекали из рваной раны в его голове. Когда к нему подбежали legionеры, он был уже мертв. Мартин и Ада в оцепенении стояли рядом.

Вокруг начала собираться толпа. Кто-то крикнул:

– Иудей убил центуриона!

И тут же эту фразу подхватила вся площадь.

– Боже, Мартин, что же теперь будет? – дрожащим голосом шептала Ада.

Он обнял ее за плечи и прижал к себе.

– Именем Империи вы арестованы! – грозно выпалил один из офицеров подоспевшей стражи. – Свяжите его и тащите в тюремную башню. За убийство римского подданного вы будете приговорены к смерти!

Двое солдат тут же связали руки Мартина.

– О боги! – из глаз Ады покатались слезы. – Пощадите его! Он же не виноват!

Но никому не было дела до ее слов. Мартина в мгновение водрузили на лошадь. Один из офицеров повел коня, держа за уздцы, следом четверо солдат несли на плечах тело мертвого командира. Остальные legionеры сомкнули щиты, и процессия скрылась в темноте.

Ада в полном отчаянии продолжала стоять возле лужи крови на пыльных плитах городской площади, а собравшаяся толпа продолжала скандировать:

«Иудей убил центуриона!»

Глава 7

Откуда-то издалека, в полной темноте доносился обеспокоенный голос Маши:

– Захар Борисович, это что, обморок?

– Пульс есть, дыхание слабое, но ровное. Потеря сознания.

– Слава богу, он начал дышать. На миг мне показалось, что он не сможет сделать вдох и умрет у меня на руках.

– Странно все это, даже более чем. Его здоровье отменно, такому можно только позавидовать. Но что сейчас происходит с его сознанием?

Резкий запах нашатыря врезался в нос. Мартин открыл глаза.

– Господи, Мартин, да ты нас до смерти напугал! – Маша заботливо обняла его за плечи.

– Да, голубчик, – озадаченно покрутил головой Захар Борисович, – ну и штуки вы выделяете! То окна одним взглядом закрываете, то падаете на пол чуть живым.

Мартин попытался встать, но голова кружилась, ноги подкашивались. Ему потребовалось время, чтобы снова обрести контроль над телом, казавшимся чужим.

– Я отключился? – испуганно спросил он. – Сколько прошло времени?

– Да пару секунд только, – сказала Маша, а потом добавила: – Но, знаешь, ты упал на пол навзничь. Было страшно.

Вместе с Захаром Борисовичем она помогла ему встать и усадила на диван.

– Чаю выпейте, – сказал доктор, пододвигая к нему чашку, – полегчает! Это обморок. Так бывает, вы просто перенервничали. Если бы у меня вдруг открылись такие способности, я бы не меньше испугался. Посидите пока какое-то время.

В глазах у Мартина двоилось, его лихорадило. Сознание судорожно пыталось увязать все события воедино.

«Значит, я просто отключился и мне все это привиделось? – соображал он. – Кесария, Иешуа, легионеры, Ада...»

– Ада! – вслух произнес он.

– Ада? – Маша удивленно взглянула на него.

На дворе стоял XXI век: Маша, с короткой, почти мальчишеской стрижкой, была одета в потертые синие джинсы, белую футболку и черный пиджак. Как он мог ей объяснить, что минуту назад находился с девушкой в белой тунике и кожаных сандалиях, что за секунду пережил день в Древней Иудее и разговаривал с самим Иисусом? Что был подвижником, и его только что арестовали за убийство центуриона? Однако все было именно так.

– Нам пора идти, – сказал Мартин, поднимаясь.

Он жаждал глотка свежего воздуха. Не мог надышаться.

– Вы уверены, что ваше самочувствие нормализовалось? – обеспокоенно спросил доктор.

– Да, вполне, – ответил Мартин. Ему и вправду стало лучше, кровь прилила к лицу. – Спасибо вам, что помогли.

– Чем мог. Но вам лучше не оставаться сейчас одному. Ваше состояние неустойчиво, могут происходить разные явления.

– Уж поверьте, – вмешалась Маша, – одного я его точно не оставлю.

– Славно, славно, Мария, – бормотал доктор, провожая их до дверей неврологического отделения. – Приглядывайте за ним. Всякое может случиться.

– Конечно, – она помахала Захару Борисовичу рукой на прощание.

Они уже почти вышли за дверь, но вдруг доктор торопливо нагнал Мартина и почти вплотную подошел к нему.

– Есть еще кое-что, о чем вы должны знать, – сказал он. – В нашем мире есть немало людей, которые, подобно вам, обладают теми или иными способностями. Они предпочитают

об этом молчать, но сейчас вы сможете их видеть или чувствовать. Уверен, вас ждет много откровений. Не все преследуют благие цели, психический мир – это мир борьбы за власть. А власть здесь дает Сила, которой вы пока не умеете управлять. Будьте осторожны. Надеюсь, вы найдете свой путь. Прощайте!

– Прощайте, доктор.

Наконец они вышли на улицу.

Который раз за день погода меняла свое настроение: теперь светило солнце, от прежней грозы не осталось и следа. Из-за непогоды люди спешно попрятались по домам.

– Может, посидим немного во дворе? – предложил Мартин. Его еще слегка пошатывало. – Чувствуешь, какой воздух свежий?

Маша не стала возражать.

На дворовой скамейке, выкрашенной в зеленый цвет, блестели большие капли воды, поэтому они уселись на спинку лавки, как в детстве, свободно свесив ноги на доску, предназначенную для сидения. Было нехорошо, конечно, зато удобно.

– Знаешь, – Маша растерянно сжимала в руках свой синий нейлоновый рюкзак, – как-то давно мне поручили написать большую статью про комиссию Российской академии наук по борьбе со лженаукой. Тогда все академики, у которых я брала комментарии, единодушно заверяли, что любые сверхспособности – это шарлатанство. Но сейчас я понимаю, ты – ярчайшее опровержение всех их домыслов.

Мартин слушал ее вполуха. Он не мог выбросить из головы Аду. Она была настоящей, живой. Но в каком мире она жила? В его обычной жизни ее не было. Меж тем имя ее вызывало в его сердце странную тоску. В ее образе было столько красоты, волнения, теплоты. Она была для него родной, частью его самого, его судьбой. Каким-то образом он точно знал, что ключ ко всему лежит именно в ней. А точнее, в каком-то событии, которое произошло с ними очень давно, как ему казалось. От этих мыслей защемило душу и запульсировало в висках.

– Может, ты законспирированный агент спецслужб, – продолжала размышлять Маша, – и тебе стерли память?

Мартин отрицательно покачал головой.

– Мои ощущения другие. Просто иного порядка.

– А может, тут не обошлось без внеземного разума? Над тобой проводят эксперименты?

– Нет.

– Тогда что, высшее провидение?

– Может быть, – ответил Мартин. – Мне хочется верить, что это именно так, потому что все остальное звучит не очень.

– Мы же с тобой атеисты, забыл? – она слегка толкнула его плечом. – Религия – самое обольстительное из всего, что создано человечеством, потому что обещает жизнь после смерти. Никому не хочется быть мелкой, ничего не значащей пылинкой в огромном бесчувственном мире, поэтому люди и придумали Бога, который якобы заботится о каждом без исключения и на земле, и на небесах.

Мартин слабо улыбнулся.

– Даже если представить, что Бога нет, – сказал он, – все равно остается открытым вопрос о том, как образовалась Вселенная. Мы слишком мало еще знаем. – Он прикрыл глаза и потер рукою лоб. – Ты вот, например, веришь в реинкарнацию?

Она пожала плечами.

– Если только глубоко внутри. Хотя, вполне возможно, что мы жили раньше, и именно мы будем жить в будущем. В смысле, наши души. А почему ты спросил?

– Потому что, когда я отключился, то видел себя в прошлом.

– И кем ты был?

Мартин хотел было ответить, но у Маши зазвонил телефон. Она взглянула на экран мобильного.

– Это с работы, – шепнула она. – Алло? Да, – ее глаза стали постепенно округляться. – Не может быть! Он согласился? Это удача! Во сколько? Через час? Записываю, поселок Мешерский, 146. Я тебя обожаю!

Она вмиг вскочила со скамейки.

– Мартин, у меня подтвердилось интервью, которого я ждала полгода! – вне себя от радости воскликнула она. – Я все-таки достала Миличевича, главу «Амбер-банка». Мне пришлось за ним изрядно побегать. И вот сегодня он готов принять меня в своем загородном доме. Я должна спешить!

– Поздравляю, – Мартин попытался ответить с энтузиазмом, но у него не вышло.

– Боже, как все навалилось. Я же не могу оставить тебя одного.

– Езжай, я справлюсь.

– И снова потеряешь сознание посреди улицы? Нет, я совсем не хочу быть причастной к твоей смерти, – Маша умолкла, пытаясь сообразить, как лучше поступить. – Ты поедешь со мной, – решительно заявила она. – Просто поприсутствуешь, как мой помощник. Что-нибудь придумаем.

– Ты уверена?

– Да! – Маша натянула на плечи рюкзак. – И ты поведешь машину, ладно? Я как раз успею подготовить вопросы.

Глава 8

Поселок Мещерский располагался на юго-западе Москвы, сразу после пересечения с МКАДом. Интервью банкир назначил на пять вечера, и у них как раз оставался час, чтобы добраться до его дома.

Сидя на переднем пассажирском сидении, Маша открыла ноутбук и подключила мобильный Интернет. Через мгновение она уже бороздила сеть.

– А что такого в этом Миличевиче, что за ним все так гоняются? – искренне недоумевал Мартин по ходу дороги.

– Ты ведь знаешь, он один из богатейших людей страны, да еще и меценат.

– И что в нем особенного?

– Просто он совсем не публичный, общается с прессой от силы раз в год. Такой шанс упускать нельзя.

Единственное, что Мартин знал из газет о Миличевиче, – что тот коллекционировал картины и почитал искусство. Это, в принципе, ни о чем не говорило, разве что о его разносторонних интересах.

В это время они как раз проезжали по Большому Каменному мосту, двигаясь в сторону дома Пашкова и Библиотеки имени Ленина. Пробки на дороге еще не было, поэтому они свободно ехали в крайнем левом ряду.

Внезапно на лобовое стекло прыгнула темная тень, закрыв всю видимость пути.

– Черт! – Мартин вдавил по тормозам, виляя из стороны в сторону.

Тварь с красными немигающими глазами глухо шипела. Через секунду лобовое стекло облепило еще трое таких же.

Мартин не видел дорогу, потому резко крутанул руль влево, надеясь выехать на разделительную полосу и там остановиться.

– Что ты делаешь? – закричала Маша.

– Ты что, их не видишь?

– Кого?

Твари уже проникли внутрь через стекло. Они лезли откуда-то из пространства, словно просачиваясь сквозь эфир. Мартин судорожно пытался отшвырнуть их от себя, но Маша видела лишь как он с вытаращенными глазами колотит по воздуху руками.

– Мартин, что происходит? Кого ты видишь? – орала она.

Основной удар пришелся на левый задний бок. В них врезался джип, который на огромной скорости несся по разделительной полосе, отчего их отбросило на пять метров назад, прямо на полосы движения.

Время приостановило свой ход.

Будто в замедленной съемке Маша видела, как сзади к ним приближается черный джип с зажженными фарами дальнего света. Он пытается тормозить, но слишком поздно – внезапно свернувшая машина из левого ряда встает как раз на его пути. Джип врезается сначала в нее, а потом на полной скорости таранит их машину.

От удара их подбрасывает вверх. Мартин инстинктивно пытается закрыть Машу и касается своей рукой ее правого запястья. И в этот миг касания, когда машина летит в воздухе, она видит это. Это! Мартин окружен черными тварями, похожими на покрытых жесткими волосами сгорбленных карликов с хищными, налитыми кровью глазницами.

У одной из тварей, висящей чуть сверху от головы Мартина, из пасти выдвигаются два белых конусообразных клыка, все более удлиняясь и заканчиваясь тонкими острейшими иглами. Она впивается в голубоватое сияние вокруг Мартина (да, теперь Маша его видит) и, словно дорвавшийся до свежей крови вампир, начинает жадно высасывать его энергию. Маша

видит, как просвечивают и пульсируют сосуды на его лице, как губы его белеют, а глаза наполняются ужасом. Мартин снимает руку с ее запястья, и картинка тут же пропадает.

Машину с дикой скоростью крутит в воздухе, Маша видит лишь быстрое чередование неба, кремлевских звезд и потока машин.

Все это длилось не более секунды.

Они грохнулись на крышу «шестерки», которая проезжала в крайнем правом ряду, их снова отбросило назад, а ехавшая следом «Нива» толкнула их на пешеходную дорожку моста. От удара они пробили железные поручни и, свесившись вниз правым боком, наконец остановились.

Натужный скрип кузова говорил о том, что любое неверное движение – и они упадут в реку. От воды их отделяли каких-нибудь пять-шесть метров.

Со лба Маши стекала струйка свежей крови. Она взглянула на Мартина: бледный, но в сознании, он смотрел прямо перед собою.

– Мартин... – жалобно простонала она.

Ответа не последовало. Казалось, он все еще вел с этими химерами невидимую борьбу. Машина стала сильнее накреняться вниз. Маша с опаской посмотрела в боковое стекло. Если они упадут, удар об воду придется как раз на нее – от наклона ее прижало к двери, и, в отличие от Мартина, она была не пристегнута.

В панике Маша попыталась как-то приподняться на сиденье, но это стало ошибкой. Правая дверь разболталась – верхняя петля крепления оторвалась, а нижняя еле-еле держалась. Через секунду последовал металлический скрип, и дверь с размаху распахнулась.

– Не-е-ет!

Вылетая из машины, Маша отчаянно цеплялась за все, что попадалось под руки, тем самым окончательно перевесив центр тяжести автомобиля. Она падала вниз, в реку, а сверху на нее неумолимо летела машина. В ужасе она закрыла глаза.

Но внезапно ее с силой дернуло вверх, как на тарзанке.

Открыв глаза, Маша увидела, что болтается над водой: сверху за руку ее держал Мартин, другой рукой ухватившись за нижнюю балку моста. Каким-то образом он сумел протолкнуть ее сквозь салон автомобиля и не дать упасть в реку. Машина тем временем с оглушительным всплеском врезалась в воду и на глазах уходила на дно.

– Держись, – уверенно сказал Мартин.

Через мгновение они уже стояли на асфальте. Водители повыскакивали из своих автомобилей и растерянно переговаривались. Со стороны Полянки приближалась патрульная машина с характерным воем сирен. В общей сложности разбилось около шести машин.

– Мартин, как ты это сделал? – обезумев от волнения, пролепетала Маша.

Он молчал, лишь тяжело дыша.

– Я видела их, – в ужасе прошептала она. – Когда ты коснулся моей руки, я на миг смогла их разглядеть. Как ты сумел их побороть?

– Сейчас это не имеет значения. Нам нужно как можно скорее отсюда уходить. Будет слишком много вопросов. Идем!

– Мартин, но моя машина?!

– О ней не волнуйся, мы вытащим ее позже. Уверю тебя, я все улажу.

Он схватил ее за руку и потащил за собой. Они перебежали на противоположную сторону моста и направились к Знаменке, где быстро затерялись среди толпы прохожих. Оттуда добрались до метро Боровицкая и нырнули вниз, оставив свидетелей аварии на мосту и полицию недоумевать о случившемся.

Под землей они лишь прошли пешеходным тоннелем до станции Арбатская и выбрались на улицу. Оттуда было рукой подать до офиса Мартина.

Маша все еще не могла прийти в себя от пережитого, оттого не задавала никаких вопросов, а просто следовала за ним. И только когда они сели в машину Мартина, припаркованную возле крыльца его мастерской, она словно очнулась.

– Будет лучше, если мы сейчас поедem на твое интервью, – ровным тоном сказал Мартин. – Иначе ты будешь слишком много думать о том, что произошло. А у меня все равно нет ответов.

Маша опустила солнцезащитный козырек и посмотрела на себя в зеркало. Тушь смазалась, прическа растрепалась, на виске – рана от удара, из которой по-прежнему струилась кровь.

– Это мы уладим.

Мартин аккуратно положил свою ладонь на ее тонкую шею сзади. Она вздохнула и замерла. По всему телу растеклось тепло и легкое покалывание. Через секунду ее сознание очистилось, сил прибавилось, а разум прояснился. Когда он убрал руку, Маша была другим человеком: спокойным, решительным и волевым.

– По дороге приведешь себя в порядок, на лице осталась только кровь, раны уже нет, – он повернул ключ зажигания и вдавил педаль газа.

Глава 9

Оставшуюся дорогу до Мещерского они ехали молча и на этот раз без происшествий.

Искать нужный дом пришлось недолго. Самый высокий во всем поселке, с шестью заостренными башнями, буравящими небо, он больше походил на средневековый готический замок. Не хватало только глубокого рва и подъемного моста. Но здесь, как ни странно, забор почти вплотную примыкал к дому.

Маша аккуратно нажала на кнопку входного звонка рядом с коваными воротами. Пока ждали, она достала из рюкзака фотокамеру и повесила на шею Мартина.

– Я скажу, что ты фотограф, – объяснила она.

Спустя минуту ворота отворились, и перед ними предстала дородная округлая фигура в темном костюме, судя по застывшему лицу – охранник. Удостоверившись, что они приехали на интервью, он завел их в дом.

– Поднимайтесь на второй этаж. Иван Томиславович скоро выйдет, – сказал он и скрылся за дверью.

– Ничего себе, – не сдержалась Маша.

Дом и вправду походил на замок – такой, какие чаще встречались на страницах толстых архитектурных журналов.

Центром дома служила парадная лестница. Крытая красным ковром, она одним великолепным изгибом вздымалась на второй этаж и обрамлялась гладкими дубовыми перилами. У подножия восседали воинственно скалящиеся каменные львы.

Маша с Мартином поднялись наверх и вошли в просторный зал-гостиную с плотными золотистыми портьерами на окнах. Напротив них в камине трещал живой огонь. Рядом с камином стоял белого цвета диван и два кресла, посередине – столик на ножках в виде буквы «S». Взгляд моментально притягивался к его расписной столешнице, покрытой золотыми узорами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.